

Офицеры и чиновники, бросившие службу, жалованья не получали, и чтобы просуществовать, они или торговали на улицах газетами, или скалывали лед, или поделались лакеями в ресторанах, или просто спекулировали на черном рынке. Первое время с непривычки неприятно было смотреть на это.

Большевики очень часто устраивали демонстрации, в которых должны были участвовать все рабочие. Они выходили из какой-нибудь фабрики и несли множество плакатов, за которыми шла серая, неприветливая толпа. Чего только не было написано на этих плакатах: «Смерть золотопогонщикам», «Смерть буржуям», «Смерть капиталистам», «Смерть прихвостням капиталистов», «Религия – опиум для народа», «Мир хижинам, война дворцам», «Мир без аннексий и контрибуций» и т. д.

Война продолжалась, но солдаты давно перестали воевать. Многие бросали свои части и с винтовками уходили домой. Немцы повели наступление и каждый день занимали столько, сколько могла проскакать кавалерия. Старых офицеров почти не осталось в войсках, последними руководили различные комиссары. Эти войска в паническом страхе бежали перед немцами. Немцы в короткое время заняли Псковскую губернию, Белоруссию, Украину, Крым, Донскую область и вкатились на Кавказ. Тогда большевистские заправилы решили прекратить войну и заключить мир. В городе Брест-Литовске съехались две делегации: немецкая под председательством генерала Гофмана и советская под председательством Бронштейна – Троцкого. В качестве экспертов захватили с собой генерала Скалона и адмирала Альтфатера. Генерал Гофман, выставив требования Германии, потребовал их удовлетворить. Большевики оспаривали. Тогда Гофман ударил кулаком по столу и потребовал прекратить спор. Советские представители обиделись, и Бронштейн—Троцкий заявил, что они мирных условий не подпишут. На этом и разъехались. Хотя мира и не было, но все требования немцев большевики выполнили. Этот мир назывался «Похабный мир». Генерал Скалон в одно из заседаний, не выдержав позора России, вышел в соседнюю комнату и застрелился. Адмирал Альтфатер пробыл до конца на переговорах. Через некоторое время он тоже покончил жизнь самоубийством.

* * *

Наша комиссия в декабре испытывала последний эскадренный миноносец «Миклуха Маклай» и работала до марта 1918 г., когда комиссар Главного морского штаба Сакс отдал приказ о ликвидации комиссии. Нам выдали месячные оклады и распустили.

В Петербурге скоро начался голод. Свободной торговли не было, и мало кто заботился о доставке провианта в город. Большевики ввели карточки, по которым выдавалась населению вобла и по четверти фунта хлеба в день, то есть 50 гр. Менее предприимчивые пухли от голода и умирали. Для лошадей тоже не было провианта, и часто на улицах лежали дохлые лошади с вспухшими животами.

Меня как-то на улице встретил один из матросов «Александра II» и попросил зайти к нему. Он жил с двумя матросами в одной из комнат на Николаевском вокзале. Все они были комиссарами на Виндаво-Рыбинской железной дороге. Ночью участвовали в разграблении какого-то винного погреба, и матросу захотелось угостить меня. Они имели много всевозможной провизии и с моим приходом устроили большой пир. Узнав, что я нигде не служу, начали уговаривать, чтобы я стал комиссаром всей Виндаво-Рыбинской железной дороги, и собрались уже телефонировать Ленину. Насилу удалось уговорить не делать этого. Когда я уходил домой, они позвали извозчика, положили ящик французского коньяку «Бисквит» в 48 бутылок, консервов, муки, ветчины, сахару, масла и подарили мне, сказав: чтобы не было голодно.